

N.V. Polyakova
St. Petersburg State University

To the issue of the traditionalism's impact in the shaping of Russian modern identity

Abstract. In the article the appeal to the problems of Russian identity appears in terms of the role of traditionalism as a resource base of power technologies of the Russian political elite. The author concludes that the constructiveness of the process formation of the Russian identity can be ensured through the correction of an imbalance between the traditionalist and conservative principles in the political and ideological landscape of modern Russia.

Keywords: identity, traditionalism, conservatism, Russia, power technologies.

О.В. Попова
Санкт-Петербургский государственный университет
o.popova@spbu.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: ЕВРОПЕЙСКАЯ VS РЕГИОНАЛЬНАЯ

Аннотация. В докладе, посвященном оценке состояния некоторых форм территориальной социальной идентичности, проанализированы показатели и факторы, определяющие состояние европейской и региональной идентичности жителей Санкт-Петербурга. Автор опирается на данные социологического исследования, проведенного осенью 2017 г.

Ключевые слова: идентичность, европейская идентичность, региональная идентичность, Санкт-Петербург, горожане, массовое сознание, установки.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Территориальная идентичность¹³⁹ связана с отождествлением индивидом себя как члена территориальной общности. Исследователи тради-

Персональный грант О.В. Поповой на тему «Региональная идентичность взрослого населения Санкт-Петербурга», полученный от Комитета науки и высшей школы правительства Санкт-Петербурга в сфере научной и научно-технической деятельности за

ционно выделяют четыре уровня территориальной идентичности: локальный, региональный, национально-государственный, наднациональный. Однако следует учесть, что в этих видах идентичности территориальный компонент является базовым компонентом, однако смыслообразующими являются социально-культурная и политическая составляющие. Важно отметить, что значимость этих составляющих для различных видов территориальной идентичности заметно отличается; национально-государственный - наиболее политизированная форма идентичности из этих четырех вариантов, однако процесс политизации всех иных форм территориальной идентичности может быть также очевидным. Существенное влияние на это может оказывать проводимая политическим классом политика идентичности.

К структурным компонентам территориальной идентичности относят следующие 4 элемента: а) когнитивный компонент географических образов, основанный на сформированных устойчивых представлениях о пространстве; б) ценностный компонент культурной идентификации, объединяющий воедино символы и ценности прошлого, настоящего и будущего территории и определяющий спектр оценок отличия этой территории от других; в) эмоциональный компонент, объединяющий стандартные стратегии реагирования, стереотипы восприятия, преобладающие эмоции, уровень волевого контроля, типичные для населения определенной территории; г) регулятивный компонент, включающий рутинные практики восприятия внешних угроз и опасностей, выработку устойчивых маршрутов передвижения, набор и потребность в посещении сакральных мест, участие в проводимых на определенной территории праздниках/публичных мероприятиях и т.д.

Важнейшими индикаторами, фиксирующими состояние любой формы территориальной идентичности, являются следующие: наличие/отсутствие образа территории (что представляет в сознании индивида территория, на которой он находится); характер образа (позитивный/негативный образ, принятие этого образа, восприятие как «своего» / отчуждение); желаемый образ территории (ее «лицо»); интерес и знание истории территориальных образований; эмоциональное отношение к прошлому, настоящему и будущему территории; включенность в пространство циркуляции информации о территории; активность, желание что-либо изменить, улучшить / его отсутствие, пассивность.

Категория «европейская идентичность», наряду с иными формами социальной идентичности, относящихся исследователями к группе территориальных, в настоящее время стала одной из популярнейших тем иссле-

2017 г. Исследование проведено на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

дования политологов, политических психологов и политических социологов, интересующихся проблемами политических установок индивидуального и массового сознания. Однако споры о сути этого явления среди ученых не утихают. Можно выделить, как минимум, 3 трактовки сущности этого явления.

Первая, радикально негативная точка зрения сводится к тому, что европейская идентичность не существует. Она представляется скептически настроенным исследователям некой интеллектуально-речевой конструкцией, которая поддерживается идеями толерантности и демократии и отражает длительный и сложный процесс формирования внегосударственных/надгосударственных форм макро-идентичности в современном мире¹⁴⁰. Ж.-Л. Нанси прямо писал, что этот феномен эфемерен, поскольку для любого человека, географически обитающего на территории Европы, ощущение своей «европейскости» значимо гораздо меньше, чем чувство принадлежности к определенному этносу, культурной традиции или наличие паспорта определенной страны¹⁴¹.

Второй подход признает существование европейской идентичности, но соотносит ее только с формальным критерием - осознанием индивидом того обстоятельства, что он проживает в точке, географически находящейся в Европе. Формально это правильно, но при таком подходе полностью выхолащиваются социокультурная и политическая составляющая этого вида территориальной идентичности.

Третий подход апеллирует к культурно-цивилизационной составляющей. «Быть европейцем» тождественно осознанию значимости культурной традиции европейской цивилизации, готовности и способности быть ее носителем. Проблем здесь только одна — эта трактовка делает практически невозможным «стать европейцами» выходцам из других частей света, сохраняющим свою исходную культурную, профессиональную и этническую идентичность, поскольку «европейство» предлагает некий эталонный набор норм и ценностей, соответствующих во многом мифологизированному представлению о европейской культуре. «Европейство» в этой трактовке может охватить компоненты лишь ограниченного числа культур и наций, «чтобы общий культурный знаменатель не стал бы слишком малым»¹⁴².

Jamieson, L., Grundy, S. Political participation and European citizenship identity / L. Jamieson, S. Grundy // Revisiting youth political participation: Challenges for research and democratic practice in Europe / Ed. by J. Forbing. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2005. P. 122.

¹⁴¹ Нанси, Ж.-Л. Интервью / Ж.-Л. Нанси // Топос. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.topos.ru/article/3835/printed> (дата обращения 15.06.2018).

¹⁴²

Райтер Э. Идея европейской федерации // Современная Европа. 2000. № 2. С. 102.

СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

В размещенной ниже таблице представлены результаты оценки значимости для петербуржцев различных форм идентичности ¹⁴³.

Как практически незначимую оценили ее 36,7% опрошенных петербуржцев, как умеренно значимую - 20,1%, как высоко значимую - 36,2%. Распределение ответов респондентов в отношении 5 форм социальной идентичности наглядно представлено в таблице (более удобно оценку проводить по последней колонке, где представлены результаты расчета индекса значимости различных видов идентичности).

Полученные данные свидетельствуют о том, что указанные виды территориальной идентичности в сознании петербуржцев не представлены как альтернативные модели установок; они достаточно гармонично сосуществуют и дополняют друг друга в пространстве символического культурного, политического и территориального самоопределения рядового жителя мегаполиса.

Индекс значимости различных видов социальной территориальной идентичности (% по строке)

	1, ничего не значит	2	3	4	5, очень значимо	Затрудняюсь ответить	Затрудняюсь ответить	Индекс значимости вида идентичности
Надгосударственная европейская идентичность	29,6	7,1	20,1	16,1	22,1	5,1	5,1	+0,015
Государственная идентичность	5,7	3,2	8,4	10,5	71,5	0,7	0,7	+0,776
Этническая идентичность	12,0	4,1	12,9	10,6	58,4	2,1	2,1	+0,529
Региональная идентичность	4,7	2,8	9,9	13,2	67,8	1,6	1,6	+0,735
Локальная идентичность	16,1	7,1	15,2	13,3	46,4	1,9	1,9	+0,365

Вопреки ожиданиям, позиционирование «я-европеец» для жителей Санкт-Петербурга оказалось существенно менее значимым, чем «я-россиянин» или «я-петербуржец». Значимость локальной идентичности ниже, чем этнической, которая, в свою очередь, оказывается в обыденных

Время проведения - октябрь 2017 г. Объем выборки - 1163 человек, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка квотная с несвязанными признаками; параметры контроля выборки - пол, возраст, образование, район проживания - с соблюдением всех методических требований отбора респондентов. Метод сбора информации - телефонное интервью.

условиях существования жителей в мегаполисе менее значимой, чем региональная или национально-государственная.

Несмотря на значительные показатели мобильности населения города (в настоящее время среди постоянно проживающих в нем доля родившихся в Санкт-Петербурге уже меньше 2/3), в массовом сознании жителей города сохраняются относительно гомогенные характеристики/образы различных видов социальной (территориальной) идентичности.

Тем не менее, с целью выявления социально-демографических групп, у которых показатели европейской идентичности отличаются, была проведена оценка с учетом значимых стандартизованных остатков. Анализ показал, что в большей степени, чем другие социально-демографические группы, склонны считать европейскую идентичность незначимой для себя: горожане в возрасте до 40 лет, обладатели полного среднего и незаконченного высшего образования, учащиеся и студенты, квалифицированные рабочие, достаточно обеспеченные горожане, чей ежемесячный доход на каждого члена семьи более чем в 3 раза превышает прожиточный минимум в Санкт-Петербурге, жители Василеостровского и Выборгского районов.

Склонны подчеркивать высокую значимость того, что они европейцы, в большей степени, чем другие группы, петербуржцы в возрасте старше 50 лет, занятые в непроектной сфере специалисты с высшим образованием (наука, культура, IT-компании, образование, здравоохранение), неработающие пенсионеры, а также горожане, которые приехали в Санкт-Петербург из государств, которые до 1991 г. не входили в состав СССР, жители Колпинского, Петроградского, Петродворцового, Пушкинского и Центрального районов.

Причины относительно низкой значимости европейской идентичности для петербуржцев разнородны. На наш взгляд, следует отметить рутинизацию образа Европы за счет расширения возможностей поездки петербуржцев в европейские государства, особенно для представителей среднего и высшего класса, а также молодежи безотносительно уровня их материальных доходов. На более старшие группы с невысоким социальным капиталом особое влияние продолжает оказывать информационная политика СМИ (особенно государственных), в последние 3-4 года активно декларирующих отсутствие особых европейских ценностей или непригодность европейских ценностей для россиян как представителей особой цивилизации. Нельзя сбрасывать со счетов и постепенное размывание образа Санкт-Петербурга как самого европейского города России за счет негативных PR-кампаний 1990-х годов (достаточно вспомнить активно продвигавшийся тогда в новостных и аналитических программах, художе-

ственных фильмах и телевизионных сериалах до сих пор не исчезнувший из памяти горожан образ «бандитского Петербурга»). Приходится признать и ослабление механизмов передачи стиля жизни и образа «настоящего» петербуржца/ленинградца как представителя культурной (т.е. во всех смыслах европейской) столицы России вследствие изменения миграционной политики в мегаполисе и стране в целом.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Особенностью определения границ региональной идентичности петербуржцев является его административный статус города федерального подчинения, что и определяет его статус как субъекта Российской Федерации и самостоятельного региона. В сознании многих горожан границы региона также совпадают не с образом Северо-Запада России, хотя все прекрасно осознают географическое расположение мегаполиса на карте страны, а с границами «большого» Санкт-Петербурга, в который входят прекрасные пригороды Пушкин, Павловск, Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф. Кроме того, жители Санкт-Петербурга прекрасно осознают, что более чем пятимиллионное население мегаполиса численно значительно превосходит многие европейские государства.

Мощные миграционные процессы, в результате чего сотни тысяч людей меняют свое место жительства, ставят перед исследователями вопрос о принципиальной возможности, скорости и эффективности (завершенности) формирования новых вариантов территориальной идентичности, последствий вытеснения из сознания старых моделей региональной и локальной идентичностей. Исследование показало, что для иммигрантов, прибывающих в Санкт-Петербург, этот период, определяющий, станет ли этот великий город для приезжего «своим», равен 5 лет. В Уставе Санкт-Петербурга, принятом в 1997 г., есть раздел, посвященный городским традициям. Фактически это не просто кодекс поведения петербуржца, но совокупность системы ценностей и норм уважительного отношения к сложившимся практикам. Можно знать эти нормы, но не соблюдать их; можно не знать, но интуитивно впитав дух великого города, попав в соответствующую среду и круг общения, принять их как свои.

Огромную роль в формировании идентичности с Санкт-Петербургом играет не только отношение к городу, знание его истории и отношение к ней, соблюдение традиций, особенностей местных жителей, участие в жизни местного сообщества, но и факторы, влияющие на социальный статус человека: место работы, уровень образования, благосостояние и т.д. Но вот ответ на вопрос о том, станет ли «своим» для Санкт-Петербурга его новый житель, не имеет столь четкого временного выражения.

Конечно, в современных условиях трудно представить, чтобы коренной ленинградец так, как это было распространено в 1980-е годы, мог сказать о ком-то, прожившем в этом городе более трех десятков лет, что-то подобное: «Ну, ведь он не ленинградец, он приехал сюда из...». Тема «он не ленинградец, он не петербуржец» становится все менее актуальной, звучит все реже. Скорость миграционных потоков возросла многократно; налицо превращение Санкт-Петербурга в открытый город не только вследствие отмены жесткого института прописки, но и потому, что этот мегаполис является исключительно привлекательным местом источника заработка (конечно, в меньшей степени, чем Москва) для молодых, энергичных и амбициозных людей.

Проведение дискурс-анализа высказываний респондентов позволили выделить наиболее типичные позитивные образы Санкт-Петербурга в массовом сознании горожан. К ним относятся доминирующее позитивное эмоциональное отношение принятия и любви «своего города», образ малой Родины с акцентированием принадлежности респонденту («мой»), восприятие города через образ семьи, родных и близких. Интересно акцентирование того, что Санкт-Петербург - это город, который стал родным и любимым, который принял приезжего как своего. Хотя и менее распространены, но с достаточно высокой частотностью всплывают образы: красивого города с величественной классической архитектурой, вызывающего восхищение славного, великого, трагического исторического прошлого; культурной столицы России, европейского города. Интересно, что даже пожилые горожане используют при описании «своего» города позитивные поэтические и романтические образы. Наконец, в высказываниях молодежи часто подчеркивается образ мегаполиса, который предлагает своим жителям большие перспективы.

В описании образа «мы-петербуржцы» доминирует комплиментарное описание, в котором акцентируются образованность, доброта, вежливость, высокий уровень культуры, воспитанность, т.е. характеристики «идеального жителя культурной столицы России» или «типичного жителя высококультурной Европы». Доброе отношение к другим людям в массовом сознании до сих пор связывается с исторической памятью, с трагическими страницами истории города и горожан во время Великой отечественной войны. Сохраняется представление об особенностях ленинградской/петербургской речи, сдержанности цветов одежды, общей интеллигентности, ином темпе жизни, меньшей суетности. Особо отмечается высокий патриотизм населения в отношении своего города.

Прагматически подчеркивается, что в Санкт-Петербурге поддерживается более высокий уровень и качество жизни горожан по сравнению с другими регионами страны. Рождение в Санкт-Петербурге, жизнь здесь большинством горожан воспринимается как счастье, удача. При этом настоящие петербуржцы/ленинградцы воспринимаются как «уходящая натура», что связывается с бесконтрольным приездом в город людей из других регионов России и трудовых мигрантов из других государств. Единичные ответы о петербуржцах у самих горожан связаны с декларацией негативных характеристик (зеркальны положительным качествам), отсутствием общих черт у горожан, унификацией черт людей, проживающих в разных регионах России. В целом можно отметить, что в массовом сознании жителей продолжает доминировать образ города, который был сформирован в 1960-1970-е годы.

Литература

1. Нанси Ж.-Л. Интервью // Топос. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.topos.ru/article/3835/printed> (дата обращения 15.06.2018).
2. Райтер Э. Идея европейской федерации // Современная Европа. 2000. № 2. С. 97-106.
3. Jamieson, L., Grundy, S. Political participation and European citizenship identity / L. Jamieson, S. Grundy // Revisiting youth political participation: Challenges for research and democratic practice in Europe / Ed. by J. Forbing. - Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2005. P. 121 -132.

O.V. Popova

St. Petersburg State University

Territorial Identity of Citizens in St. Petersburg: European vs Regional

Abstract. The report is devoted to the evaluation of some forms of territorial social identity. Indicators of the European and regional identity of residents of St. Petersburg are analyzed. The factors of influence on these forms of identity are singled out. The author analyzes the data of the sociological research of the autumn of 2017.

Keywords: identity, European identity, regional identity, St. Petersburg, citizens, mass consciousness, attitudes.